

В. А. Жуковский

О поэте и современном его значении

Письмо к Н. В. Гоголю

В. А. Жуковский -- критик / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. М. Прозорова.-- М.: Сов. Россия, 1985.-- (Б-ка русской критики).

[OCR Бычков М. Н.](#)

Прекрасное, трогательное письмо твое застало меня за твоею книгою: я был занят *прикреплением* к бумаге некоторых мыслей, которые бродили в голове при чтении твоей статьи *о том, что такое слово*; твое письмо пришло кстати: оно дополняет печатную статью -- а написанное мною на твое рассуждение о важности слова будет в то же время и ответом на письмо твое.

Стихи Державина:

За слова меня пусть гложет,
За дела сатирик читит¹,

служащие, так сказать, темою твоей статьи, не имеют, по моему мнению, никакого ясного смысла: ошибки писателя не извиняются его человеческими добродетелями; и самолюбие поэта, оскорбленное критикою, не утешится, когда он сам себе или его аристарх ему скажет: *ты негодный поэт, но человек почтенный*.

Но то, что сказал Пушкин о стихах Державина, весьма значительно -- оно будет теперь главным предметом моей с тобою беседы. Прошу, однако, не пугаться, ибо я намерен, как говорится, начать с *яиц Леды*²; хочу длинным обходом прийти с тобою к выражению Пушкина: *слова поэта суть уже дела его*³.

Не имея возможности постигнуть существа духовного в нем самом и выразить материальным словом его неразделимости, его единства, мы дробим нашу душу на разные способности, делим ее, так сказать, на участки и к каждому из них приписываем особенную, отдельную ее способность. Говоря о *теле*, мы можем определенно означать и все его определенно в нем действующие члены; мы говорим: *голова, глаза, рука, нога* и прочее; но говоря: *ум, воля* и тому подобное, мы разными именами означаем одно и то же, то есть *всю душу*, в разных только образах ее действия; нет такой особенной части в душе, которая была бы только *ум* или *воля*, все это -- вся душа, полная, всегда неразделимо действующая. Мы только для ясности принуждены прибегнуть к раздроблению единства на части. Душа *мыслит, избирает* (то есть отвергает или принимает), *творит, верует*; сии разные образы действия одной и той же души мы называем: *ум, воля, творчество, вера*.

Ум (говоря языком обыкновенным, то есть раздробляя наше духовное единство на способности отдельные) есть самая низшая, но в то же время и самая многообъемлющая, основная, все действия других способностей проникающая и определяющая способность души нашей. Он действует в пределах материального мира, определяет форму, измеряет движение, из вещественных форм извлекает понятия общие и из движения закон (то есть из того, что *всегда* бывает, то, что *всегда должно быть*), из неизменяющегося неизменное. Я назвал ум *низшею* способностью души потому, что он совершенно подчинен закону необходимости: первый пункт (*le point de départ*), передовое положение (*Vordersatz*) могут некоторым образом быть избраны произвольно; произвольность может быть и в более или менее упорном пребывании на избранном пути, но самый этот путь (то есть весь ход ума, все сцепление выводов с их необходимым результатом) от ума независим -- путь ума есть путь по железной дороге: здесь свободен только выбор места в вагоне, то есть выбор пункта отбытия; все остальное повинуется железной силе релей, раз скованных и к земле навсегда прикрепленных. Мы быстро и, по-видимому, произвольно движемся вперед; но эта произвольность мнимая: мы не властны ни переменить движения, ни управлять им; самая сила влекущего нас паровоза есть только сила, а не власть, и беда, если она хоть на миг покинет направление, в начале пути ею полученное. Во-вторых, наш ум есть способность низшая и потому, что он ничего из самого себя не извлекает, что все его создания, сколь ни кажутся они самобытными, извлечены из внешнего, вещественного мира, суть, так сказать, умственное потомство материальности в первом, десятом, двадцатом колене. *Воля* стоит степенью выше ума: она *свободна*; но объем ее действий гораздо ограниченнее: она только избирает или отвергает, руководствуясь законом нравственным (которого